

Научная статья / Article

УДК 81-23

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-81>

Приметы орнитологического кода в современном русском языке: глубинные смыслы и способы их актуализации

Ольга Николаевна Иванищева¹, Мэнцзе Лян²

¹ Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

² Чанчуньский политехнический университет, Чанчунь,
Китайская Народная Республика

¹ oivanishcheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

² 386068494@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>

Аннотация. В работе обсуждается проблема актуализации глубинных (актуальных) смыслов, заложенных в концептуальном пространстве русской народной приметы. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления специфики мировосприятия, представленного в языковых единицах зооморфного кода. Предмет исследования составляют глубинные смыслы, выявляющие те части конкретного опыта человека, которые важны для русского народного сознания при определении прогноза погоды или судьбы.

Материал исследования составляют приметы с базовым словом — названием птицы в количестве 2 935 единиц. В исследовании представлена традиционная классификация примет (бытовые и суеверные, в том числе сновидческие) и разработанное в данном исследовании разделение их на приметы с субъектной и объектной доминантой. В последнем случае при разделии примет акцент делается на субъекте действия: птица или человек. Под приметами с субъектной доминантой понимаются такие, в которых субъектом (исполнителем) действия прогнозирующей части (Если...) является птица, а под приметами с объектной доминантой — те, в которых адресат сообщения (человек) является одновременно и субъектом действия (его исполнителем).

Цель настоящей работы — выявить глубинные смыслы, заложенные в русской народной примете орнитологического кода.

Методы исследования — метод сплошной выборки, метод лингвокультурологического анализа, метод пропозитивного и количественного анализа.

Показано, что определить актуальные смыслы позволяет пропозитивный анализ, суть которого состоит в выделении собственно пропозиции и ее участников (актантов и сирконстантов). В результате анализа были выделены группы актуальных смыслов в прогнозирующей части приметы (субъектность, объектность, время, локус, действие и отношение)

и доказано, что они коррелируют с такими же смыслами, отмеченными в народной символике, как-то: единичность (немногочисленность), множественность, цвет, время, местонахождение, место функционирования, действие и др. В результате анализа актуальных смыслов прогнозируемой части примет сделаны выводы о частотности таких элементов, как выбор субъекта / объекта прогноза в примете и его содержание.

Ключевые слова: народные приметы, глубинные смыслы, пропозитивный анализ

Для цитирования: Приметы орнитологического кода в современном русском языке: глубинные смыслы и способы их актуализации // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 81–94. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-81>

Ornithological Code Omens in the Modern Russian Language: Deep Meanings and Ways of their Actualisation

Olga N. Ivanishcheva¹, Mengjie Liang²

¹Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia

²Changchun Polytechnic University, Changchun, China

¹oivanishcheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

²386068494@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>

Abstract. *This paper discusses the problem of realisation of the deep (actual) meanings embedded in the conceptual space of Russian folk omens. The relevance of this work depends on the necessity of revealing the specificity of the worldview represented by the linguistic units of the miniature code. The theme of the research is to reveal the deeper meanings of specific human experiences that are important for Russian folk consciousness in determining weather forecasts or fate.*

The study material consisted of 2,935 omens whose basic word was the name of the bird. The classification of omens in the study is represented by the traditional classification of omens (family omens and superstitious omens, including dream omens) and the subject- and object-driven classification of omens proposed in this paper. In the latter case, when classifying omens, the emphasis is on the subject of the act: the bird or the person. In this paper, omens with subject dominance are understood as predictive components (if.....) the subject (performer) of the action is a bird, while omens with object dominance are understood as the recipient of the message (a person) who is also the subject (performer) of the action.

The aim of the paper is to determine the deeper meanings embedded in the Russian folk omens of the ornithological code.

Research methods — continuous sampling method, linguistic and cultural analysis, quantitative analysis of propositions.

The analysis showed that the essence of propositional analysis is the identification of the proposition itself and its participants (actors and determiners), which allows us to determine the actual meaning. The analysis resulted in singling out groups of actual meanings in the predicative part of the annotation (subjectivity,

objectivity, time, place, action and attitude) and demonstrating that they are related to the meanings indicated in folk semiotics, such as: singularity (less), multiplicity of colours, time, place, place of action, action and other meanings. By analysing the actual meanings of the predicted parts of the examples, conclusions were drawn about the frequency of elements such as the choice of the predicted subject/object and its content in the examples.

Keywords: folk omens, deep meanings, propositional analysis

For citation: Ivanishcheva O. N., Liang Mengjie. Ornithological Code Omens in the Modern Russian Language: Deep Meanings and Ways of their Actualisation. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 2: 81–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-81>

Введение. Актуальность работы обусловлена потребностью в описании кодов культуры, которые «зашифрованы» в языковой картине мира. Образы зооморфного кода восходят к одной из древнейших форм культуры, одушевляющей и олицетворяющей животных, — к анимистическому мировосприятию. Поверья и приметы также восходят к глубокой древности.

Вера в приметы (оменализм) оказывается одной из самых жизнестойких форм религии, интенсивно влияя на сознание людей современной информационной цивилизации [1, с. 187].

Примета определяется учеными как проверенное временем предсказание, основанное на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженными в краткой, метафорической форме [2, с. 7].

Предмет исследования. Мы обращаемся к приметам, базовым словом которых являются названия птиц, то есть к приметам орнитологического кода: гусь (и утка) ныряют — на дождь (к дождю) [3, с. 69]; если фламинго строит низкие гнезда — лето будет сухим [4, с. 29]; если ворон сядет на купол или колокольню церкви — там будут отпевать покойника [3, с. 208]; если соловья услышишь раньше кукушки, счастливо проведешь лето [3, с. 230].

В литературе представлено широкое и узкое понимание приметы: при узком понимании она исследуется с точки зрения ее структуры и семантики, а при широком — внимание исследователей распространяется на контекст реализации приметы, особенности её функционирования [5, с. 115], в том числе и на такой аспект ее функционирования, как моделирование поведения человека как участника коммуникативного акта в роли адресата сообщения [6, с. 44–45]. Как отмечает Т. С. Садова, примета, будучи устойчивой речевой единицей, составляет звено национальной культуры и отра-

жает познавательные (когнитивные) усилия человека в ненаучном (наивном, эмпирическом) освоении мира [7, с. 79]. Поэтому важно представить арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах [8, с. 153]. Наблюдения над поведением птиц как выделенные и представленные в языковом выражении части конкретного опыта человека складываются в определенную систему, которую можно назвать реализацией глубинных смыслов языкового сознания. Эти смыслы, названные нами актуальными, являются предметом нашего исследовательского интереса.

Цель настоящей работы — определить глубинные смыслы, заложенные в концептуальном пространстве русской народной приметы орнитологического кода. Материалом исследования являются 2 935 народных примет с субъектной и объектной доминантами. Под приметами с субъектной доминантой понимаются в работе такие, в которых субъектом (исполнителем) действия прогнозирующей части (Если...) является птица (Сорока сидит у окна — будут гости [3, с. 55]), а под приметами с объектной доминантой — такие, в которых адресат сообщения (человек) является одновременно и субъектом действия (его исполнителем) (Если увидишь одну сороку — к несчастью [9, с. 210]). Выделение примет с субъектной и объектной доминантами дополнено в работе традиционной классификацией примет (бытовые, суеверные и сновидческие как разновидность суеверных примет).

Методами исследования в работе явились метод сплошной выборки, метод лингвокультурологического анализа, метод пропозитивного и количественного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. *Глубинные (актуальные) смыслы* в настоящей работе понимаются как «то, что в наибольшей степени интересует человека и что постоянно требует соответствующего языкового выражения» [10, с. 49]. Определить актуальные смыслы позволяет, с нашей точки зрения, пропозитивный анализ примет. Целью такого анализа является вычленение пропозитивного содержания единицы, а его этапами — выделение типов пропозиций и анализ их пропозитивной семантики. Т. В. Шмелева выделяет два уровня детализации изображения ситуации в рамках пропозитивного анализа: первый — выделение собственно пропозиции, обозначаемой глаголами и иными средствами пропозитивной семантики, определение участников (актантов) и выявление обстоятельств (сирконстантов); второй уровень — описание характеристик вышеназванных элементов пропозиции [11,

с. 275]. С учетом того, что среди актантов выделяются субъектный и объектный актанты, нами были определены следующие группы актуальных смыслов в приметах: субъектность, объектность, время, локус, действие и отношение. Эти группы отражают результаты пропозитивного анализа орнитологических примет, проведенного в ходе нашего исследования, и соответствуют смыслам, отмеченным в народной символике (см. [12]).

Так, *единичность (немногочисленность) и множественность*, которые определяются как признаки актантов, относятся к минимальному набору смыслоразличительных признаков, на основе которых выделяются большие группы животных. Наличие таких признаков, как единичность / множественность, доказывает мысль В. М. Иванилова о том, что мотив совокупного множества сопряжен в русской традиции с прогнозированием прибыли и богатства [13, с. 16], хотя в суеверных орнитологических приметах, как показывает наш анализ языкового материала, этот мотив связан больше с удачей и приятной встречей. Парность животных встречается редко, в приметах фигурирует пара аистов, в фольклорных текстах — пара голубей [14, с. 53]. При этом действие «считать птиц», согласно примете, не приносит удачи (Чужих кур не считай — сглазишь [3, с. 202]).

Такие признаки актантов, как *статус, состояние, пол, возраст, цвет, размер*, в народной символике отражают и передают мифологические представления о животных. Так, выбор атрибутивного признака — прилагательного со значением цвета — обусловлен типовыми значениями, которые закреплены за определенным словом-символом в культурной традиции [13, с. 8]. Прилагательные *белый* и *черный*, например, в славянской мифологии ассоциируются с названиями божеств — Белобог и Чернобог. С первым связана положительная коннотация, со вторым отрицательная [15, с. 30–31]. Черный и белый цвет в славянской мифологии выступают как оценочные, образуя оппозиции [14, с. 47]. Белый цвет означает светлое, чистое, непорочное, разрешение проблем, новое начало, а черный предстает как цвет негативных сил и печальных событий [16, с. 202–203]. Смыслоразличительные признаки *живой — мертвый, дикий — домашний*, по мнению А. В. Гура, входят в систему славянских мифологических представлений [14, с. 41, 50]. Оппозиция *полный — пустой*, а в случае с исчисляемыми предметами и числительное *один* — это популярные символы сновидений.

В народных представлениях о птицах имеют значение календарные даты и другие временные периоды, связанные с периодичностью времен года и суток. В исследуемом материале 34 % общего количества названий птиц упоминается в приметах, содержащих хрононимы (Мефодий-перепелятник, Семенов день, Сидор-огуречник и др.), 30 % — названия времен года (зима, весна, лето, осень), 25 % — названия времени суток (утро, вечер, день), 20 % — названия месяцев (январь, февраль, март, апрель, май, сентябрь). Названий дней недели в исследуемом материале практически не отмечено. По замечанию А. В. Гура, они редко выступают смысло-различительным признаком в характеристике поведения животных [14, с. 74].

Обозначение актуального смысла *время* имеет большое значение, так как оно связано с народными представлениями о настоящем и будущем. Так, например, прилет птиц всегда олицетворял приход весны в сознании человека, хотя в этой зависимости, по мнению В. Я. Проппа, отмечено неверное представление о причинно-следственной связи. Ученый утверждает, что первобытный земледелец не до конца понимал закономерности смены времен года. Опасаясь, что зима будет длиться долго, люди пытались призвать весну. А так как начало весны связывали с прилетом птиц, то полагали, что птицы приносят ее с собой [17, с. 41].

Птицы выделяются в класс, по замечанию А. В. Гура, на основании двух дифференциальных признаков — локуса и модуса передвижения [14, с. 527]. Важность признака *локус* подтверждается и нашими данными: 40 % бытовых и 21,4 % суеверных орнитологических примет с *субъектной* доминантой имеют актуальный смысл *местонахождение* в качестве смысловой доминанты. Количество примет, заключающих в себе актуальный смысл *местонахождение* в качестве смысловой доминанты, в группе конструкций с *объектной* доминантой намного меньше: они отмечены только в группе суеверных примет, в группе бытовых примет таких конструкций не выявлено. Разница между приметами с субъектной и объектной доминантами в этом плане объясняется важностью признака локуса при оценке роли птицы как субъекта или объекта действия. Кроме того, разница между приметами с субъектной и объектной доминантами отмечена и в реализации актуального смысла *место функционирования*: в приметах с *объектной* доминантой больше представлен пространственный вектор *север / юг* и *право / лево*, а в приметах с *субъектной* доминантой — вектор *верх / низ*.

Приоритет актуальных смыслов *локус* и *время* в группе бытовых примет с базовыми словами — названиями птиц, как нам кажется, можно объяснить спецификой русской традиционной культуры — по словам В. Я. Проппа, архаической культуры «сил», связанной со временем пробуждения сил земли, нужных земледельцу [17, с. 108, 32]. Связь земли и того, что происходит *под* ней и *над* ней, всегда было важно для крестьянина. Локус (земля) тесно переплетался со временем в рамках календарных обрядов. Поэтому в качестве предварительного вывода проанализированный нами материал подтверждает наблюдения этнографов о том, что главную роль с точки зрения практики сельского хозяйства играют год, пора, погода, то есть влиянию метеорологических факторов придается больше значения, чем трудам человека [18, с. 19].

Доминирование актуального смысла *локус* в погодных и суеверных приметах с базовыми словами — названиями птиц отчасти объясняется тем, что образ жизни птиц в большей степени, чем других животных, тесно связан с периодической сезонной сменой места их обитания [14, с. 529].

Актуальный смысл *действие* формируется признаками, характеризующими способ гнездования, звучания, питания птиц.

Например, пропозиция *действие* с глаголами со значением «звучание» выявлена в приметах о перепеле, коростели, бекасе, кукушке, сове, филине, сыче, дятле, иволге, сойке, дрозде, соловье, синице и овсянке, пропозиция *движение*, представленная в приметах о баклане, гусе, утке, орле, коршуне, куропатке, фазане, журавле, стриже, ласточке, скворце, граче, реализуется глаголами со значением «летать» (гусь, коршун, куропатка, журавль, стриж, ласточка, скворец, грач), «парить» (орел, коршун), «плавать» (баклан, гусь, утка). Безусловно, такая актуализация тех или иных качеств и признаков поведения птиц имеет определенное значение, указывает на важные для носителя языка свойства.

Такие данные приводят любого исследователя народных примет к вопросу, как возникала эта «логика переходов смыслов, когда из предыдущего тезиса разворачивается последующее» [19, с. 13]. В приметах даются образцы поведения, которые наиболее значимы для существования коллектива. Поэтому наблюдения «русских простонародных метеорологов, складывающиеся веками в форму народных примет, так важны, хотя они условны, общи, темны и гадательны» [20, с. 2, 17].

В группе *суеверных* и *бытовых* примет с объектной доминантой в пропозиции «восприятие» определяющим для прогноза является не действие человека — *видеть* и *слышать*, а объект зрительного и слухового восприятия человека — *птица и ее действие и или состояние* (видеть / слышать *раненую / погибшую, живую / мертвую, поющую / молчащую, летящую / сидящую, спящую / танцующую / ныряющую* птицу или видеть / слышать, *как / которые...*). При этом в группе *суеверных* примет (исключая сновидческие приметы) с использованием глаголов *видеть* и *слышать* преобладают названия таких птиц, как кукушка, ласточка, ворон, ворона, журавль и сорока.

В связи с использованием глаголов со значением *слышать* в приметах с объектной доминантой необходимо упомянуть замечание А. В. Гура, что в славянской мифологии акустическая характеристика выделяет птиц из числа других животных [14, с. 530]. В текстах орнитологических примет безусловным «фаворитом» в этом смысле является кукушка, а также сова, соловей и филин.

Следующим популярным мотивом *суеверных* и *бытовых* примет с базовым словом — названием птиц является мотив убийства птиц, который в славянской мифологии тоже имеет символическое значение, хотя там речь идет о нечистых птицах, обладающих демонической силой, или о домашних птицах, таких как курица и петух, чья смерть связана с брачной символикой [14, с. 552–553]. В нашем материале глагол *убить* связан с воробьем, вороном, вороной, галкой, голубем, журавлем, иволгой, кукушкой, куропаткой, фазаном, чайкой, а глагол *застрелить* — с цаплей. Эти глаголы относятся к группе слов со значением «лишение жизни живого существа» [21, с. 230–232] и составляют вторую по количеству группу примет после примет с глаголом *лететь*.

Семантика разорения гнезда в текстах русских народных примет отмечена в соответствии с мифологическими представлениями славян об аисте и ласточке как о покровителях домашнего очага [14, с. 17]. Анализ примет с объектной доминантой выявил наличие примет со словами *ласточка* и *аист* с таким значением.

Актуальный смысл *отношение* формируется в орнитологических приметах в рамках таких характерных признаков, как сопоставительное значение и количественные признаки. Например, такой количественный признак, как *стайность*, является характерной количественной характеристикой птиц в пропозициях «поступательное движение субъекта», «звучание», «питание», то есть всту-

пает в смысловую корреляцию с глаголами движения, ненаправленного перемещения, звучания и потребления пищи.

Актуальные смыслы *субъектность, объектность, время, локус, действие* и *отношение* характерны для прогнозирующей части (Если...) орнитологических примет. Для прогнозируемой части (...то) таких примет формирование актуальных смыслов происходит в сферах, которые составляют основу прогноза в орнитологических приметах, — это погода (в бытовых приметах) и судьба (в суеверных приметах).

Мы считаем, что принятое в нашем исследовании определение бытовой приметы с ее областями прогнозтики (времена года, погода, сельское хозяйство) для удобства процесса анализа можно объединить в общую группу — погода, так как все явления, обозначенные как темы бытовых примет (смена времен года, погодные явления и результаты хозяйственной деятельности человека), в конечном счете связаны с необходимостью фиксации погодных явлений.

Анализ актуальных смыслов прогнозируемой части позволяет сделать выводы о частотности таких элементов, как выбор субъекта / объекта прогноза в примете и его содержание.

Так, согласно бытовым приметам с субъектной доминантой, самыми популярными птицами при определении прогноза погоды являются воробей, ворона, гусь, журавль, курица и петух, а при предсказании судьбы — ворон, голубь / голубка и сорока. Кукушка и ласточка «востребованы» примерно в равных отношениях для прогноза погоды и судьбы в бытовых приметах с субъектной доминантой. Согласно бытовым приметам с объектной доминантой, самой популярной птицей при определении прогноза в сфере хозяйственной деятельности является курица, а при предсказании судьбы — аист, ворона, воробей и петух. Голубь / голубка и ласточка востребованы примерно в равных отношениях для прогноза результатов хозяйственной деятельности и судьбы в бытовых приметах с объектной доминантой.

По частотности прогноза погоды в группе бытовых примет с субъектной доминантой самым популярным является прогноз на ненастье (гроза, гром, буря, ветер, гром, непогода) (28,2 % общего количества примет), на дождь (25,6 %), на теплую (ведро, теплое / хорошее лето, теплая зима) (25,6 %) и холодную погоду (холодная / суровая зима, холода) (18 %), а в группе бытовых примет с объектной доминантой — прогноз на плохие результаты в хозяйственной деятельности (падеж скота, плохой урожай или улов) (46 % общего

количества примет), на хорошие результаты в хозяйственной деятельности (богатый урожай) (17 %) и на дождь (13 %).

По частотности прогноза судьбы анализируемые суеверные приметы с субъектной доминантой в своем большинстве прогнозируют счастье / добро / богатство (40 % общего количества примет), несчастье (горе, беда, авария) (40 %), предсказывают смерть (10 %), стихийное бедствие (пожар) (10 %), а суеверные приметы с объектной доминантой — несчастье / неудачу (22 % общего количества примет), счастье (14 %), богатство и любовь / свадьбу (по 10 %).

Заключение. Проведенный в работе пропозитивный анализ орнитологических примет дал возможность выявить глубинные (актуальные) смыслы рассматриваемых примет, то есть обнаружить наиболее важную для носителя языка информацию, получившую языковое выражение.

В прогнозирующей части примет к таким актуальным смыслам относятся признаки: субъективность, объективность, время, локус, действие и отношение, которые в основном соответствуют признакам, соотносимым с символикой птиц в славянской народной традиции. К минимальному набору смыслоразличительных признаков, на основе которых выделяются актуальные смыслы, относятся единичность (немногочисленность) и множественность, признаки цвета, живой — мертвый, дикий — домашний, полный — пустой, которые входят в систему славянских мифологических представлений. Важность актуального смысла *локус* подтверждается ориентацией на пространственные векторы север / юг и право / лево и верх / низ, актуальный смысл *действие* вербализируется языковыми единицами со значениями «способ гнездования», «звучание», «питание птиц», а актуальный смысл *отношение* выявляется в рамках таких характерных признаков, как сопоставительное значение и количественные признаки.

В прогнозируемой части примет к актуальным смыслам отнесены погода (в бытовых приметах) и судьба (в суеверных приметах), анализ которых позволил выявить определенные закономерности в соотношении выбора субъекта / объекта прогноза в примете и его содержания (в определении прогноза погоды или судьбы человека и его частотности). Выявлено, что погоду и судьбу с позиции народного представления, вербализованного в русских народных приметах, предсказывают разные птицы (домашние / дикие, перелетные). Акцент в предсказании погоды делается на ненастной погоде, а судьбы — на счастье.

Список источников

1. Завьялова Е. Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 187–193.
2. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.
3. Никитина Т. Г., Роголева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
4. Лютин А. Т., Бондаренко Г. А. Народное наследие о приметах погоды. Календарь. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1993. 96 с.
5. Шепелева О. А. Ситуации пограничья примет, суеверий, поверий в демонологии (по материалам международных фольклорно-этнографических экспедиций на Верхний Дон) // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 114–121.
6. Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы // *Arbormundi*. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. № 6. С. 30–47.
7. Садова Т. С. Народная примета о традиционных ценностях // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 78–81.
8. Васильев В. П., Васильева Э. В. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2013. Вып. 10. С. 152–160.
9. Яковлев Г. Н. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогжского уезда // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии : хрестоматия. Воронеж: Истоки, 2013. С. 194–243.
10. Крысин Л. П. Коммуникативно актуальные смыслы и их лексическое выражение в повседневной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 49–54.
11. Современный русский язык : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
12. Лян М. Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 1. С. 94–112.
13. Иванилов В. М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 279 с.
14. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
15. Славянская мифология : энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
16. Свиридов С. Словарь славянских символов. М.: Велигор, 2012. 235 с.
17. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Тера — Азбука, 1995. 176 с.

18. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.

19. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

20. Агринский К. Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов: Типография Т-ва И. И. Лысенко и Н. С. Петровъ, 1899. 364 с. URL: https://vk.com/doc41371964_493426631?hash=JQSfH54jtbuU9kHxZkQC6y3IUkvhlddM1XioWUz7GFo (дата обращения: 28.12.2022).

21. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

References

1. Zav'yalova E. E. Omens as a folklore genre: experience of systematization. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013. No 2. Pp. 187–193. (In Russ.)

2. Tonkova E. E. *Narodnaya primeta s pozicij lingvokognitivistiki i lingvokul'turologii : diss. kand. nauk* [Folk omen from the perspective of linguocognitivism and linguoculturology]. Belgorod, 2007. 189 p. (In Russ.)

3. Nikitina T. G., Rogaleva E. I., Ivanova N. N. *Bol'shojslovar' primet* [A large dictionary of omens]. Moscow: AST, Astrel', 2009. 687 p. (In Russ.)

4. Lyutin A. T., Bondarenko G. A. *Narodnoe nasledie o primetah pogoda. Kalendar'* [Folk heritage about weather omens. Calendar]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 96 p. (In Russ.)

5. Shepeleva O. A. Borderland situations will signify, superstitions, beliefs in demonology (based on materials of international folklore and ethnographic expeditions to the Upper Don). *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Ser. B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Donetsk National University. Ser. B: Humanities]. 2017. No 2. Pp. 114–121. (In Russ.)

6. Hristoforova O. B. On the question of the structure of signs. *Arbor mundi. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury* [Arbor mundi. International journal on the theory and history of world culture]. 1998. No 6. Pp. 30–47. (In Russ.)

7. Sadova T. S. Folk omen about traditional values. *Russkijazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2012. No 3. Pp. 78–81. (In Russ.)

8. Vasil'ev V. P., Vasil'eva E. V. Omen as a cultural-associative slot of a metonymic concept. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manah. Materialy nauchnyh ekspeditsij*. [Word: folkloric-dialectological almanac. Materials of scientific expeditions]. Edited by N. G. Arhipova, E. A. Oglezneva. Blagoveshchensk, AmGU, 2013. Issue 10. Pp. 152–160. (In Russ.)

9. Yakovlev G. N. Proverbs, sayings, popular words, omens and beliefs collected in the settlement of Sagunakh, Ostrogozh district. *Sueveriya i predrasudki krest'yan Voronezhskoj gubernii : Hrestomatiya* [Superstitions and preju-

dices of the peasants of the Voronezh province. Chrestomathy]. Voronezh: Istoki, 2013. Pp. 194–243. (In Russ.)

10. Krysin L. P. Communicatively relevant meanings and their lexical expression in everyday speech. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verhnevolzhskij Philological Bulletin]. 2016. No 4. Pp. 49–54. (In Russ.)

11. *Sovremennyy russkij yazyk : uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Modern Russian language : a textbook for universities. Third generation standard]. Edited by L. R. Duskaeva. St. Petersburg, Piter, 2014. 352 p. (In Russ.)

12. Lyan M. Propositional analysis as a way to identify deep cultural meanings in the text of folk omens. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social problems]. 2023. Vol. 15. No 1. Pp. 94–112. (In Russ.)

13. Ivanilov V. M. *Associativnyj potencial slova kak osnova tolkovaniya snovidenij. Diss. kand. nauk* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]. Ekaterinburg, 2006. 279 p. (In Russ.)

14. Gura A. V. *Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.)

15. *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russ.)

16. Sviridov S. *Slovar' slavyanskih simvolov* [Dictionary of Slavic symbols]. Moscow: Veligor, 2012. 235 p. (In Russ.)

17. Propp V. Ya. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opytistoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. St. Petersburg: Terra – Azbuka, 1995. 176 p. (In Russ.)

18. Afanas'ev A. N. *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and prophetic word]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. 512 p. (In Russ.)

19. Bajburin A. K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka, 1993. 240 p. (In Russ.)

20. Agrinskij K. F. *Russkie narodnye primety o pogoed i ih znachenie dlya prakticheskoy meteorologii sel'skogo hozyajstva* [Russian folk signs about the weather and their significance for practical meteorology and agriculture]. Saratov: Tipografiya T-va I. I. Lysenko i N. S. Petrov", 1899. 364 p. Available at: https://vk.com/doc41371964_493426631?hash=JQsFh54jtbuU9kHxZkQC6y3IUkvhlDdM1XioWUz7GFo (accessed: 28.12.2022). (In Russ.)

21. *Tolkovyj slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Edited by prof. L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS, 1999. 704 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Институт социальных и гуманитарных наук, Мурманский арктический университет (183038, Россия, г. Мурманск, ул. Коммуны, 9)

Лян Мэнцзе, преподаватель русского языка, факультет русского языка, Институт иностранных языков, Чанчуньский политехнический университет (Китайская Народная Республика, г. Чанчунь)

Information about the authors

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Philology, Institute of Social and Human Sciences, Murmansk Arctic University (9, Communa St., Murmansk, 183038, Russia)

Liang Mengjie, Instructor, Department of Russian language, Institute of Foreign languages, Changchun Polytechnic University (Changchun, China)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.02.2024

Научная статья / Article

УДК 299.572(470)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Речевая стратегия дискредитации в современной русской языческой публицистике (на примере работ А. А. Добровольского)

Никита Артурович Пробст¹, Роман Витальевич Шиженский²

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия

¹NProbst@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4305>,
ResearcherID Web of Science: L-9334-2019

²heit@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-8765-2241

Аннотация. *Сущность и стратегии масскультурного продвижения идеологии, предлагаемой апологетами современного славянского язычества, являются объектами активного изучения отечественного религиоведения и лингвистики.*

При этом на сегодняшний день остается сравнительно малоизученным лингвокоммуникативный аспект механизмов продвижения вышеуказанной идеологии, в частности применения агрессивной риторики как способа популяризации родноверческой идеологии в российском массовом сознании ее носителями и создателями. Особенного внимания в этом плане заслуживает творческое наследие А. А. Добровольского как основоположника и ключевого идеолога указанного движения.